

DOI: 10.15372/HSS20200203
УДК 392, 394, 930.2

Е.Ф. ФУРЦОВА

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СИБИРСКИХ УКРАИНЦЕВ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ Ф.Е. ТОКАРЕНКО*

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17

Потенциал использования нарратива в этнографических исследованиях еще не до конца осмыслен. Вместе с тем, такой источник в полевой этнографической практике можно считать массовым, особенно при изучении этнокультурных групп, в том числе украинских переселенцев. Статья посвящена нарративному анализу впервые публикуемой автобиографии потомка полтавских переселенцев в Сибири Ф.Е. Токаренко в плане раскрытия познавательных возможностей текста относительно содержания концепта «этнокультурная идентичность». Автобиографический текст, созданный в 1980–1990-х гг., не лишен художественной выразительности, отражает способность автора писать о самом себе как об условно независимом персонаже, причем в изложении событий прослеживаются причинно-следственные связи. В нарративе раскрываются трудности переселения, тяготы пути и обстоятельства обустройства на новом месте, атмосфера жизни украинских крестьян-переселенцев с учетом этнокультурной идентичности. Жизнь деда, отца и свою собственную Ф.Е. Токаренко описывает как цепь событий на протяжении нескольких периодов истории нашей страны. В его изложении мы имеем дело не просто с фактографией – в моментах постижения жизни (в форме автобиографии) автор прослеживает взаимосвязь сибирского, регионального самосознания с русской и украинской этнической идентичностью.

Ключевые слова: автобиографический нарратив, концепт «этнокультурная идентичность», украинские переселенцы, Сибирь, Алтайский край.

E.F. FURSOVA

ETHNOCULTURAL IDENTITY OF SIBERIAN UKRAINIANS IN AUTOBIOGRAPHICAL TEXTS F.E. TOKARENKO

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrentiev ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The author believes that the potential for using narrative in ethnographic research is not fully understood yet. At the same time, such a source in the field ethnographic practice can be considered massive. The article is devoted to a narrative analysis of the first published autobiographical text by F.E. Tokarenko, a descendant of the Poltava settlers in Siberia, in terms of cognitive possibilities of the “ethnocultural identity” concept’s content. The autobiographical text created in the 1980–1990s is not devoid of artistic expression, reflects the author’s ability to write about himself as a conditionally independent character, causality is traced in the presentation of events. In terms of methodology, the author proceeds from the fact that a person achieves self-awareness through narrative, its interpretation, continuous self-interpretation, with which he highlights certain moments of life meaningful for him. Following psychologists, we consider narrative as the main cultural tool which helps to form and provides existence of ordinary consciousness or folk psychology, as well as “personality and I” (Bruner, 2004; Barsky, Gritsuk, 2010). In the research the author is guided by the conceptosphere concept, which is understood as the terminological designation of any set of concepts including those characteristics of a particular text (Kharchenko, Safonova, 2013). Narrative by F. E. Tokarenko reveals the atmosphere of Ukrainian peasant life, pictures of resettlement, hardships of immigrants’ way and arrangement in a new place through the prism of ethnocultural identity. F.E. Tokarenko describes the life of his grandfather, father and his own as a chain of events determined by fate over several historical periods of our country. In its presentation, we deal not just with factography, but moments of comprehension of life in the form of an autobiography, which traces the relationship of the Siberian, regional identity with Russian, Ukrainian ethnic identities. The autobiographical text by F. E. Tokarenko reflects transformations of his ethnocultural identity.

Key words: autobiographical narrative, concept of “ethnocultural identity”, Ukrainian immigrants, Siberia, Altai Region.

*Исследование поддержано РФФИ, проект № 18-09-00028 «Этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XVII – первой трети XX в.)»

Елена Федоровна Фурсова – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mfl1@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9459-7033>

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Head of the Department of Ethnography, Institute of Archeology and Ethnography SB RAS.

КАТЕГОРИЯ «АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ». СМЫСЛЫ И ПОДХОДЫ

Категория «автобиографический нарратив» привлекает внимание представителей разных областей гуманитарного знания с 1970–1980-х гг.: историков, филологов, психологов, в меньшей степени этнографов (см., напр.: [1; 2; 3; 4]). Идеи о возможном изучении идентичности через автобиографии были высказаны этнографами еще в 1830-х гг., когда жизненным историям приписывалась ценность как источника, раскрывающего особенности личности, ее целостность и развитие (см. об этом: [3, с. 26]). Исследования так называемой нарративной идентичности становятся все более популярными и могут дать этнографам важные результаты в плане выявления личности и этнокультурного облика нарратора. Многообразие смыслов, которые придаются понятию нарратива, заставляет нас определиться с его смысловым содержанием как **повествования** или **описания**, полученного в ходе автобиографического изложения, интервью, дневниковых записей и пр.

Развитие научного мышления непосредственно связано с понятиями, отражающими способность мысленно воссоздавать предмет исследования, в большей степени – с особой формой рефлексии как процесса осмысления чего-либо (предмета, явления, процесса и пр.) [5, с. 66]. Повествование о своей жизни, согласно теории идентичности Дж. Брунера, представляет собой интерпретацию, задача которой заключается в создании собственного образа [6, с. 695]. Человек достигает самоосознания через нарратив, его истолкование, непрерывную самоинтерпретацию, посредством которой он выделяет в жизненном потоке определенные моменты, обладающие для него смыслами. Брунер рассматривает нарратив как основное культурное средство, «с помощью которого образуется и существует обыденное сознание или народная психология», а также «личность и Я» [7, с. 163]. Некоторые исследователи понимают нарратив как результат формирования идентичности, способ познания того феномена, что мы называем «своей жизнью» [8, с. 3, 16]. W. Labov, J. Waletzky определяют нарратив как воспроизводство прошлого опыта [1, с. 3 – 38]. Таким образом, в нарративе связываются воедино прошлое, настоящее и будущее, которое начинается в момент повествования.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СИБИРСКИХ УКРАИНЦЕВ

Автобиографические тексты сельского жителя пос. Кулунда Алтайского края Федора Ефимовича Токаренко (1911 – 2003 гг., далее – Ф.Е.) изложены в двух вариантах – «Моя родословная» (сохранился оригинал рукописи) и «Страницы моей жизни» (ксерокопия рукописи). Материалы получены в ходе экспедиций 2018 г. в пос. Кулунда Алтайского края, сейчас их копии хранятся в личном архиве автора статьи. Рукописи не датированы, но, судя по бумаге и внешнему виду тетрадей, были написаны в 1980–1990-е гг., последние записи от-

носятся к 2001 г. Записи рукописи «Моя родословная» (далее – МР) сделаны в амбарной книге на белой нелинованной бумаге синей шариковой ручкой (пронумеровано 140 с.). Ксерокопия рукописи «Страницы моей жизни» (далее – СМЖ), выполненной в разлинованной ученической тетради без нумерации страниц старческим почерком, обозначена автором как «повесть» (около 3 п.л.). Видимо, эта работа была написана позднее, когда рука автора уже не могла выводить стройные четкие буквы. В содержательном отношении рукописи включают много сходных данных и целых кусков текста, но, если в первой больше внимания уделено истории семьи, воспоминаниям детства, то во второй подробно описаны впечатления о переселении в Сибирь, о свержении царя («сбросили царя»), Гражданской войне и других событиях. Текст Ф.Е. Токаренко включает рассказы-воспоминания об увиденном в разные периоды жизни, а также сведения, услышанные от родственников, т.е. это «рассказ в рассказе».

При исследовании нарративов некоторые авторы руководствуются понятием концептосферы, под которой подразумевается терминологическое обозначение любой совокупности концептов, в том числе свойственных тому или иному тексту, включая жанр семейного родословия [9, с. 12]. В корпусе семейного родословия Ф.Е. Токаренко значительное место занимают концепты «история фамилии», «история семьи», «идентичность нарратора», относительно которых сообщаются уникальные свидетельства, дающие возможность сделать правдивые оценки этнокультурной идентичности столыпинских переселенцев из Полтавской губернии начала XX в. Семейная история в изложении Ф.Е. сохранила сведения о месте выхода автора и его старших родственников: «Мои предки и родители происходят от украинского народа, народа Малороссии. Так в давние времена называлась Украина, то есть окраина русской земли. Окраина часто разорялась чужеземцами и являлась чисто аграрной страной, где хозяйничали рабовладельцы-помещики»¹. В другом варианте автобиографического текста он дополняет эту информацию фамилией помещика и указанием на первоначально иную фамилию своего рода. «Родословная Токаренковых начинается со времен крепостного права, от деда Филиппа, который был крепостным у помещика Лепешинского села Недригайлово Полтавской губернии. Работал сельским кузнецом, на украинском языке коваль. Изначальная фамилия деда была Коваль»². «Фамилий у крепостных тогда не было, а было подворное прозвище. Дед Филипп назывался Ковалем, это было сходно по профессии кузнеца. Многие имели такие прозвища, что не подобно (здесь: не пристойно. – Е.Ф.) было называть»³.

¹ Привлекаемые в качестве цитат тексты в основном полностью копируют стиль, орфографию и пунктуацию изложения Ф.Е. Токаренко, внесены лишь некоторые исправления, касающиеся орфографических ошибок и затрудняющие чтение. – Е.Ф. (Рукопись Ф.Е. Токаренко «Страницы моей жизни» (СМЖ). Л. 1).

² Рукопись Ф.Е. Токаренко «Моя родословная» (МР). Л. 1.

³ СМЖ. Л. 1–2.

Считается, что нарратив должен отвечать критерию трансформации. В изложении герой или члены его семьи переносятся из прошлого в настоящее, т.е. исторически связаны. Временная последовательность событий хорошо прослеживается и в автобиографическом тексте «Моя родословная». Например, дается объяснение появления новой фамилии, чему предшествует «краткая историческая справка»: «Тяжело жилось крепостным крестьянам российской империи. Особенно доставалось украинскому народу, всякие войны против России начинались с Украины. Центральные губернии России развивались быстрее, чем окраинные. Росла промышленность, появились новые профессии рабочих. Помещик Лепешинский решил обзавестись еще одной промышленной профессией токаря. Послал деда Филиппа к **москалям** учиться токарному делу. Так наш дед стал токарем и кузнецом у помещика. Новая профессия токаря дала деду и новую фамилию Токаренко»⁴. На первых же страницах рукописи заметно, что автор пребывал «во власти воспоминаний» и выражений, услышанных в детстве от старшего поколения родственников.

Заметим, что только в начале изложения Ф.Е. пишет о своих родственниках как «украинцах» (об Украине – как окраине России), называет жителей центральных губерний «москалями» (эти термины затем не встречаются или редко встречаются на «Страницах моей жизни»). «Дед с малых лет начал работать у помещика в кузнице, потом стал кузнецом. Он был неплохим умельцем, в то время в России уже развивалась промышленность. Рос рабочий класс разных профессий, которых на Украине еще не было. Эти профессии потребовались и помещикам. На долю моего деда выпало счастье стать токарем. Помещик отвез в Россию моего деда, чтобы выучить его на токаря по металлу. Вернувшись на Украину к своему помещику, стал работать токарем, кудесником, как называли его в селе»⁵.

Таким образом, ключевым сюжетом концепта «история фамилии» было событие, связанное с получением новой престижной профессии, название которой и явилось фамилиеобразующим. «После отмены крепостного права люди стали получать фамилии. Мой дед Филипп получил фамилию по профессии токаря – Токаренко. Фамилия была такая же редкостная, как и профессия. Дедовы родственники все получили также его фамилию. Забегая вперед, хочу сказать, что я за свою жизнь где только не побывал на своей земле, и мои сыновья, и нигде не встречали свою фамилию Токаренко, за исключением нашего родового села Недригайлово, где еще здравствует наша фамилия»⁶.

Историю своей семьи и деревни автор рассматривал в контексте истории России, причем именно для украинских переселенцев характерно, как показывают наши полевые материалы, включение в этот контекст деяний Петра I. «Мой дед Филипп был крепостным

человеком. Он родился в большом селе Недригайлово, в котором Петр первый стоял своим штабом во время Полтавской битвы»⁷. «Наше село Недригайлово вошло в историю России, в котором первый русский император Петр первый стоял в нашем селе постоем со своим штабом во время Полтавской битвы со шведом»⁸.

При чтении текста создается впечатление, что автор рукописи старался описать жизнь деда, отца и свою собственную как цепь событий, определяемых судьбой, – их невозможно предугадать и изменить. В автобиографическом нарративе в изложении Ф.Е. Токаренко мы имеем дело не просто с фактографией, встречаются также моменты постижения жизни в художественной форме. Эпизоды воссоздают картины не только хозяйственно-экономической жизни, имущественного расслоения общества, горестного положения детей-сирот, но и духовно-нравственной атмосферы Полтавщины, Херсонщины конца XIX в. «Отец мой Ефим Филиппович родился в 1880 году. Вскорости родители отца умерли от какой-то эпидемии. Малолетнего отца взяла на воспитание тетка со стороны отца. У тетки было много детей, и детство моего отца было тяжелое. Как только Ефим почувствовал, что сможет быть самостоятельным пастухом, он подговорил себе такого же подпаска Петра, и [они] тайно покинули родное село Недригайлово. Пробрались в Херсонские степи, где паслись тучные стада овец богатых помещиков, у которых наши беглецы нашли себе работу пасти овец большой отары. Ребята впервые оказались в необозримой безводной степи под жгучим черноморским солнцем. Да и условия их труда, продиктованные помещиком, были не легки: с темна до темна находиться в степи с отарой. Суточный паек выдавался буханкой хлеба, кувшином воды в день на двоих. ... в херсонских степях вода была тогда на вес золота ... заготовлялась из дождей и снега, да и те редко выпадали. Херсонские степи казались ребятам адом против родного полтавского климата. Степные суховеи обжигали: руки, лицо, трескались губы, пересыхало во рту. Ребята терпели, трудились, мечтали о лучшей жизни»⁹.

Судьбоносными в изложении Ф.Е. оказывались события, встречи с людьми, которые способствовали новым поворотам в жизни. Не случайны встречающиеся в тексте фразы: «Всего пришлось пережить, голод и всякие обиды со стороны лихих людей... Наконец все страшное позади, а не известное впереди»¹⁰. Так, в детстве отца автора, когда тот уже был отроком, произошёл случай, перевернувший его жизнь. «Однажды в обеденную пору, когда овцы сбивались в кучу ища друг у друга холодка, ребята сошли на придорожный курганчик, чтобы подкрепиться засохшим хлебом, запить остатком воды. По малопроезжей дороге шел странник – седой как лунь, его морщинистое лицо загорело до черноты. Он подошел к курганчику, на кото-

⁴ МР. Л. 1.

⁵ СМЖ. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 1.

⁸ МР. Л. 1.

⁹ Там же. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 3.

ром обитались пастухи, слегка приподнял шапку, поприветствовал пастухов. “Разрешите детки отдохнуть у Вашего куреня, устали мои ноженьки”. Петро был вострее на разговор, спросил странника: “Далеко ли дедушка держишь путь?” “Как вам сказать, всю свою жизнь путь мой бывает близкий и далекий, не знаю, когда будет конец моего пути”. “А почему вы дедушка все время ходите?” – спросил Петро. Старик пожевал свой седой ус и ответил: “Счастья ишу сыночки, и никак не найду его. Наверно Господь не дал мне его”. Хлопцы попросили странника рассказать о счастье и как его искать. Старик стал объяснять, что счастье люди по-разному понимают и по-разному ищут его. Кто в честном труде, кто в богатстве, а кто в славе, в ратных делах, в любви, семейной жизни. “А кто в скитании по белому свету, которое я избрал в своей жизни, а счастья так и не нашел”.

Ефим спросил старца: “Какой бы посоветовал выбрать путь к счастью нам, пастухам?”. Тот сказал: “Черный труд в поте лица: ковать железо, строить дороги, сеять хлеб, иметь хорошую семью. Я недавно побывал **на московщине**, там набирают людей на строительство железной дороги. Советую вам испытать свое счастье на этом поприще”. Ребята попросили рассказать, как добраться до Москвы. Он только ответил: “Язык до Киева доведет, а там и Москва недалёко”. Странник попрощался с хлопцами и зашагал, стуча палкою, в сторону Херсона. Обсудив свое тяжкое житье, хлопцы решили пробираться в Москву на строительство дороги. Когда овцы были в кошаре, пастухи обратились к помещику и попросили выдать им расчет. Жаль было хозяину хороших работников отпускать, но хлопцы стояли на своем. Получив расчет и попросив у хлебопекарки буханку хлеба и сухариков, ребята отправились пешком в далекий путь»¹¹.

Автор раскрывает атмосферу железнодорожного строительства, охватившего Российскую империю во второй половине XIX – начале XX в. Проработав на строительстве железной дороги среди политических каторжан и уголовников разных мастей, отец Ф.Е. решил вернуться с заработком домой на Полтавщину, но был по дороге ограблен и чудом выжил. В родном селе у безденежного сироты не было иных шансов жениться, как пойти «в приимы, войти в дом невесты». «Тетка посоветовалась со своим мужем Рябухой, решили найти такую невесту, чтобы она своего жениха приняла в дом. Такая невеста нашлась, это моя будущая мать Варвара Васильевна Немцева. У ее отца Василия не было наследника, поэтому отец невесты решил принять в дом зятя, потом сделать его наследником бедного крестьянского хозяйства, свадьба состоялась»¹². «Дед мой по матери, Василий, имел: избушку, одну лошадь, одну десятину земли, он был вдов. Жить при такой бедности молодому здоровому мужчине не было никакого смысла. Пошли дети, надо было решать дальнейшую судьбу своей семьи. Вскоро вышел Столы-

пенский закон, который назывался реформой... Главых семей, отцы и деды обратились в губернский переселенческий пункт»¹³.

«ПРОЩАЙ, РОССИЯ! ДА ЗДРАВСТВУЙ, СИБИРЬ»

Коренной перелом в жизни семьи Токаренко произошел вследствие начавшейся земельной реформы 1906 г. П.А. Столыпина, благодаря которой перед молодыми родителями Ф.Е. открылись новые надежды и перспективы лучшей жизни. «Бедность и недостаток породили семейные неполадки, встал вопрос: “Что делать, как жить?” К счастью, столыпинская реформа в России спасла от нищеты и голода тысячи малоземельных крестьян России»¹⁴. «Отец Ефим Филиппович решил попытать свое счастье, записался на переселение в Сибирь на вольные земли, куда были посланы ходоки, чтобы убедиться в богатой сибирской крестьянской жизни. Возвратившиеся ходоки привезли с собой огромный пшеничный караван и сибирские белые калачи. Осенью 1911 года недригайловские переселенцы на станции Ворожба начали грузиться в товарные вагоны, которые предоставлялись каждой семье»¹⁵.

В этом месте повествования, на этапе переселения в Сибирь, автор вновь обращается к рассуждению о своем этнокультурном самоопределении, делая сдвиг от «украинца» в сторону идентичности региональной. «У отца моего почти не было никакого груза, кроме нас, четырех детей и самих двое. Меня везли в Сибирь еще в пеленках, два старших моих брата и самая старшая сестра, которой тогда было семь лет. **Мой тогдашний возраст дает мне право называть себя сибиряком. Так как украину я совершенно не помню.** Поезда ходили по 20 верст в час и сутками простаивали на станциях. На больших станциях переселенцев кормили бесплатными обедами. У Челябинска на выезде родители видели традиционный столб с надписью: «Прощай, Россия! Да здравствуй, Сибирь». Столб стоял на Великом сибирском пути, по которому шли в Сибирь каторжники, звеня кандалами. Наши семьи выгрузили в Омске, людей разместили в бараках для переселенцев»¹⁶. В приведенном отрывке представляет интерес тот факт, что автор впервые заявляет о себе как **о сибиряке**, кем он продолжал считать себя впоследствии и во время строительства Турксиба, Великой Отечественной войны и пр.

Тяга стать хозяином собственной земли заставляла преодолевать все трудности пути в незнакомой части света. В устной беседе, во время полевых работ, нам не раз приходилось слышать о стремлении выходцев из украинских губерний к «своей земле», а, получив надел, они становились на колени, даже целовали ее. Об этом со слов старших писал и Ф.Е. в «Моей родословной»: «Всю зиму 1911–1912 года эшелон с пере-

¹¹ МР. Л. 2–3.

¹² Там же. Л. 4.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 3.

¹⁶ СМЖ. Л. 7.

селенцами был в дороге. Весной 1912 года наш эшелон разгрузился в городе Омске. Главы семей в Омске получили кредиты, их тут же окружили купцы, наперебой предлагали: лошадей, брички, сбрую, сельхозинвентарь, дойных коров. Про все то рассказывал мне отец, что за какой-то месяц он стал настоящим крестьянином. Все переселенцы двинулись на Павлодар своим ходом, поспешая к весенним полевым работам. В Павлодаре переселенцы наняли себе проводника казаха через переводчика. Как только выехали с города, перед ними раскинулась бескрайняя ковыльная степь, под ветрами она казалась морскими волнами. Дорог не было, только конные да звериные тропы, по которым вел проводник обозы»¹⁷.

Женская составляющая массовых переселений крестьян мало изучена. Этнографические факты позволяют проследить роль и особенности поведения женщин, жен переселенцев, которые разделяли со своими мужьями трудности долгого пути, а в случае смерти кормильца сами обосновывались на новом месте и боролись за жизнь своих детей. Вместе с тем, эмоционально окрашенные «голошения» на предмет «куда ты меня привез» наблюдались, главным образом, среди выходцев из южных районов Российской империи [10, с. 99, 105; 11, с. 57]. «На третьей день проводник остановился у трех землянок, где уже жили три семьи украинских переселенцев. Женщины, увидев жизнь переселенцев, заголосили, куда же вы нас привезли, бросив свою **ридную украину**. Мужчины успокаивали женщин: “Ничего, для того и руки у нас Бог дал, чтобы благоустроиваться”. Так переселенцы стали обживать вольные столыпинские земли. Приехали землемеры, нарезали отруба, отец получил землю сразу за огородом, который составлял целую десятину. Отец был жесток в работе, работал до изнеможения и требовал от семьи того же, за малые оплошности строго наказывал мать и детей. За дорогу дети все простыли, трое из нас умерли, я долго болел, но выжил, осталось двое, Лена и я, Олимпиаду называли Леной»¹⁸.

Принимая участие в повседневных и других разговорах, совершая бытовые и неординарные поступки, человек обнаруживает свою этнокультурную идентичность, которая, находясь на глубинном и подсознательном уровнях, смещается на культурные и социально-структурированные реалии. При строительстве Туркестано-Сибирской железной дороги (Турксиб), когда Ф.Е., вербованным, прибыл на будущую станцию Ай-Набулак, он эмоционально рассказал о всех тяготах этой стройки. Повествуя о тяжелых, изнурительных работах на строительстве Туркестанской железной дороги, Ф.Е. сравнил сибирский бытовой уклад и экономическое положение с местными условиями жизни. Как любой сибиряк, он гордился тем фактом, что в Сибири крестьяне не ели ржаного хлеба: «Так мы, бывшие крестьяне, стали рабочим классом, строителями дорог. Вербовщик обещал нам золотые горы, ко-

торых мы так и не увидели в прибалхашской пустыне. **Кормили нас: пшеничным супом та ржаным хлебом, который мы сибиряки и в глаза не видели, и по кусочку сахара к чаю»**¹⁹.

Через песенное творчество, фольклор в автобиографических текстах находит отражение эмоциональный настрой, отношение к своим корням, этнокультурной идентичности как автора, так и членов его семьи. Повествование Ф.Е. о событиях, связанных с переменной его жизни, сопровождается воспоминаниями об обращении в таких случаях к знакомым с детства народным песням: «Попрощался с сестренками и братишкой Гришей, поцеловал мать, отчим не подошел ко мне, и я молча вышел на улицу. Там ожидали меня друзья. Они подхватили мой и михайлов сундуки и в ночь отправились пешком на станцию, до которой всего было два километра. У саманного вокзала в то время уже вырос небольшой скверик, мы и расположились в нем. **Всю ночь пели песни, украинские, русские**. Вспоминали прошлое детство, мечтали о будущем. Завидовали нам, что мы первыми решились оставить свои родовые гнездышки и пустились в далекий, неведомый путь, искать свою судьбу. Рано утром пришел поезд, мы попрощались, нам пожелали счастливого пути»²⁰.

В другое время и при другом изломе судьбы автор снова подчеркивает свою этнокультурную принадлежность, обращаясь к песенному творчеству: «Слышу: где-то поют, но не пойму где. Спросил рядом стоящего пассажира, где поют? Он указал на люк – там, в трюме. Я подошел ближе, где ясно слышались слова песни. **Мы, украинцы, вообще любим песни и умеем петь**. Но таких песен и мелодий я не слышал, да и слова именно народные. Пели песни заключенные, которых везли на стройки первой пятилетки. Где же сейчас эти песни? До Семипалатинска мы плыли пять суток, каждый день я часами простаивал у люка, слушая задушевные песни. В Семипалатинске мы расстались со своими таинственными попутчиками...»²¹. Здесь привлекает внимание тот факт, что Ф.Е., даже считая себя сибиряком, тем не менее, в определенные моменты жизни при соприкосновении с культурными «украинизмами», вспоминал о себе как об украинце. Наиболее яркими, «своими» чертами он считал песенное творчество, музыкальную одаренность своих родственников.

Идентичность в текстах Ф.Е. проявляется в своеобразии поступков, стереотипах поведенческих норм, выражении эмоций и представлениях «о своих». «В Каттакургане я сошел с поезда, идя по перрону я увидел у садовой решетки стоящего человека, богато одетого в шелковую узбекскую одежду с чисто русским лицом. Меня заинтересовало кто такой, подойдя, я поприветствовал по-русски, сказал: «Никак земляк?» Человек ответил: «Откуда знаешь, что земляк?» «Ру-

¹⁷ МР. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ СМЖ. Л. 16.

²¹ МР. Л. 17.

соволосыми бывают **сибиряки** и северяне», – ответил на его вопрос. Человек улыбнулся, свострил: «Видать ты молодой, но ранней, а сам-то откуда?» «С западно-сибирского края, станция Кулунда, слышал такую?» «А я с Омска, значить земляки»²². В рукописях встречаются и некоторые свидетельства, указывающие на украинское происхождение автора (имена друзей Петро – вместо Петр, «дядя Грыша», «бричка» и пр.) при полном сохранении русского языка изложения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В полевой этнографической практике именно среди выходцев из юго-западных губерний Европейской России встречается масса нарративов, автобиографий, семейных родословий (этой особенностью они близки русским старообрядцам). Объяснить это можно желанием передать историческую память своим потомкам, чтобы те не забывали «кто их прадеды и откуда». Писание автобиографических текстов (нарративов) можно рассматривать как факт самосознания народа в связи с исторической памятью, обрядово-праздничной культурой, фольклором, мифологическими представлениями и другими этнокультурными компонентами. В использовании фразеологизмов, «украинизмов» в текстах Ф.Е. Токаренко видится специфика самосознания сибирских украинцев в местах их компактного поселения в Кулундинской степи Алтайского края на протяжении нескольких исторических периодов в жизни нашей страны. Что касается соотношения реальности и конструируемости нарратива, исторической правды и опыта создателя нарратива, то можно говорить о стремлении автора изложить личностное восприятие событий с максимальной точностью, дать им собственную оценку. Привлекательные нарративные источники, изложенные от первого лица или прямых потомков переселенцев, раскрывают картины переселений, тяготы путей, трудности обустройства на новом месте украинских переселенцев конца XIX – начала XX в., восприятие ими собственной этнокультурной идентичности. Прослеживаемые в рукописях трансформации взглядов Ф.Е. Токаренко на этнокультурную идентичность можно соотнести с так называемой ситуативной или плавающей идентичностью, сформировавшейся как следствие интеграционных процессов славянских народов на территории Сибири [12, с. 753].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Labov W., & Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience. // *Journal of Narrative & Life History*. Jan. 1997. Vol. 7, iss. 1–4. P. 3–38. DOI: org/10.1075/jnlh.7.02nar
2. Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.
3. Кутковская Е.С. Нарратив в исследовании идентичности // Национальный психологический журнал. 2014. № 4 (16). С. 23–33.
4. Турушева Ю.Б. Особенности нарративного подхода как метода изучения идентичности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 6.

5. Казначеев В.П., Егорычев А.М., Голомянов А.И., Ромм В.В., Фурсова Е.Ф., Фабрика Ю.А. и др. Культура, наука, образование: контекст познания и развития универсума. Новосибирск: Изд-во Зап.-Сиб. отд-ния Междунар. Славянской академии, 2013. 340 с.

6. Bruner J. Life as a narrative. // *Social Research*. Fall 2004. Vol. 71, iss. 3. P. 691–710.

7. Барский Ф.И., Грицук А.Г. «Интервью о жизненной истории» Д. Макадамса как метод исследования нарративной идентичности // Журн. практ. психолога. 2010. № 5. С. 158–204.

8. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity // *Theory & Psychology*. 2010. Vol. 21 (1). P. 1–22.

9. Харченко В.К., Сафонова А.А. Концепты в нарративах семейного родословия // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 27 (170), вып. 20. С. 12–18.

10. Фурсова Е.Ф. Взаимопомощь в различных жизненных ситуациях у сибирских крестьянок первой трети XX в. // *Woman in Russian Society*. 2018. N. 1 (86). P. 99–105.

11. Фурсова Е.Ф. «Женские плечи» сибирской миграции (по материалам переселенцев второй половины XIX века) // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего. Калининград: Балт. федерал. ун-т им. И. Канта, 2019. С. 54–57.

12. Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI веков) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. XXV. С. 748–753.

REFERENCES

1. Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: oral versions of personal experience. *Journal of Narrative & Life History*, 1997, vol. 7, no. 1–4, pp. 3–38.
2. White H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-century Europe*. Ekaterinburg, Ural Univ. publ., 2002. 528 p. (In Russ.)
3. Kutkovaya E. S. Narrative in identity research. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*, 2014, no. 4, pp. 23–33. (In Russ.)
4. Turusheva Yu. B. Features of the narrative approach as a method of studying identity. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2014, vol. 7, no. 33, pp. 23–33. (In Russ.)
5. Kaznacheev V. P. (ed.) *Culture, science, education: the context of cognition and development of the universe*. Novosibirsk, Izd-vo Zap.-Sib. otd. Mezhdunar. Slavyan. Akad., 2013, 340 p. (In Russ.)
6. Bruner J. Life as a narrative. *Social Research*, 2004, vol. 71, no. 3, pp. 691–710.
7. Barskiy F. I. Gritsuk A. G. "Interview about the life history" of D. Macadams as a method of research on narrative identity. *Zhurnal prakticheskogo psikhologa*, 2010, no. 5, pp. 158–204. (In Russ.)
8. Bamberg M. Who am I? Narration and its contribution to self and identity. *Theory & Psychology*, 2010, vol. 21, no. 1, pp. 1–22.
9. Kharchenko V. K., Safonova A. A. Concepts in narratives of family genealogy. *Nauchnye ведомosti. Seriya: gumanitarnye nauki*, 2013, vol. 27, no. 20, pp. 12–18. (In Russ.)
10. Fursova E. F. Mutual assistance in various life situations among Siberian peasant women in the first third of the XX century. *Woman in Russian Society*. 2018, no. 1, pp. 99–105. (In Russ.)
11. Fursova E. F. "Women's shoulders" of Siberian migration (based on materials from immigrants of the second half of the XIX century). *Zhenshchiny i muzhchiny v migratsionnykh protsessakh proshlogo i nastoyashchego*. Kaliningrad, 2019, pp. 54–57. (In Russ.)
12. Fursova E. F. Problems of ethnocultural identity of the Ukrainian population of West Siberia (in the early XX and early XXI centuries). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy*, 2019, vol. 25, pp. 748–753. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 07.02.2020

Дата рецензирования 25.02.2020

Статья принята к публикации 09.04.2020

²² МР. Л. 18.